

— Зачем они вообще пришли? Неужели уже пришло награждение от императорского двора? — Вэнь Жунь почесал подбородок. — Странно... В прошлый раз за обедом с уездным судьёй господин Синь сам жаловался, что донесение о заслугах уже отправлено, но ответа из столицы всё ещё нет. Говорил, что если уж дождёмся ответа к урожаю — уже повезёт. Такая черепашья скорость... А тут вдруг появился и Ма Сань? Он же уездный стражник — разве у него нет дел поважнее?

— Не знаю, — ответил Чэнь Сюй, убирая веер и чайник. — Но выглядят они довольно весело и довольны!

В руках у него был фарфоровый чайник из цзыша (фиолетовой глины), который Вэнь Жуню с большим трудом удалось раздобыть. Этим чайником он пользовался исключительно для заварки чая — каждый урок он выпивал по два-три чайничка. Это была его маленькая слабость.

— Ладно, пойдём посмотрим. Где они сейчас?

Вэнь Жунь встал и потянулся, разминая затёкшие кости.

— Уже в гостиной, пьют чай, — ответил Чэнь Сюй. — Мама велела спросить: оставить их на ужин? Если да, то пора уже начинать готовить.

Летом, в жару, еду готовили всегда свежей — остатки быстро скисали и их нельзя было оставлять.

— Готовьте, — решил Вэнь Жунь, взглянув на солнце, уже клонившееся к закату. — Как бы то ни было, сегодня они уже не уедут. А ещё поставьте сливовое вино охлаждаться в колодезной воде и наберите побольше воды — вечером хорошо бы освежиться.

— Хорошо, господин, — ответил Чэнь Сюй. Он знал: его господин очень чистоплотен. Даже зимой тот не мог обойтись без горячей ванны, а летом принимал прохладный душ иногда даже дважды в день.

К тому же господин терпеть не мог потеть.

И ещё больше — неприятные запахи.

Поэтому, прежде чем идти принимать гостей, Вэнь Жуню нельзя было оставаться в домашней одежде. Он отправился в задние покои, чтобы искупаться и переодеться. Собравшись, он направился в гостиную. На самом деле, он собрался очень быстро: в такую жару после душа волосы сохли почти мгновенно.

Просто он привык быть непринуждённым — шёл не спеша, а, дойдя до места, медленно и

неторопливо поклонился и поздоровался.

Ма Сань, напротив, выглядел крайне взволнованным — уже выпил несколько чашек чая до дна.

Наконец-то он увидел Вэнь Жуня.

После взаимных приветствий Вэнь Жунь занял главное место и спросил:

— Староста Ма, дедушка Чжан, вы оба пришли вместе? Неужели есть ко мне какое-то дело?

— Есть, да сразу несколько дел! — весело улыбаясь, дедушка Чжан продолжал пить чай и есть сладости, но ни слова больше не сказал.

Вэнь Жунь перевёл взгляд на старосту Ма.

Тот немного смутился:

— Первое — насчёт награды от уездной администрации. Говорят, кое-что ещё не выдали, но, по слухам, всё будет оформлено только после урожая.

— Это я уже знаю, — кивнул Вэнь Жунь. — Судья Синь сам об этом упоминал.

— Второе... — продолжил староста, — ты в этот раз сильно пострадал.

— О, ничего страшного, — отмахнулся Вэнь Жунь.

— А третье... — запнулся староста и ткнул пальцем в Ма Саня, — ну, это вот он... Ты ведь знаешь Ма Саня?

Ма Сань тут же вскочил. Он был серьёзен как никогда. На нём не было привычной формы уездного стражника — вместо неё он надел «цзиньчжуан» — практичную одежду для боевых искусств: облегающий крой, узкие рукава, широкие штаны, лёгкие сапоги на тонкой подошве и поверх — лёгкая шёлковая накидка. В такой одежде удобно двигаться, даже если придётся драться.

Лицо его было тщательно выбрито — ни единого следа щетины, всё чисто и опрятно.

— Конечно, знаю, — спокойно взглянул на него Вэнь Жунь и снова повернулся к старосте.

Тот вытер пот со лба:

— Ма Сань, по сути, мой племянник. Мы оба носим фамилию Ма, хоть и разделились ещё при дедах. Но его семья не повезло — за все эти годы в живых остался только он один.

Вэнь Жунь всё понял. Теперь ясно, почему жители Ляньхуаао допустили Ма Саня жить в деревне, а не прогнали как чужака.

Выходит, он и правда родственник старосты!

— У него больше нет старших в роду, — продолжал староста. — Ты ведь знаешь, раньше он был таким... непутёвым. Но теперь ему уже за тридцать, а как говорится: «тридцать лет — пора обрести опору». У него теперь и работа хорошая. Да, для вас, учёных людей, должность уездного стражника, может, и не почётна, но среди простых людей — это уважаемое место. Вот я и пришёл к тебе сегодня с просьбой... Смотри: госпожа Лю работает у тебя — это, конечно, хорошо, но такая жизнь не дело. Ма Сань, можно сказать, исправился. Им обоим примерно по возрасту, да и жены у него до сих пор нет. Не сочти за труд — посмотри, не подойдут ли они друг другу?

Староста говорил запинаясь, сбиваясь, но в конце концов сумел выразить суть.

— Разве родной дом госпожи Лю — не семья старика Яна по соседству? — Вэнь Жунь нахмурился.

Как это так? Он — учёный, цзюйжэнь, молодой холостяк... Почему с ним обсуждают подобные дела?

— Семья Ян уже сказала: если ты не возражаешь, то и они против не будут, — пояснил староста. — Я долго уговаривал их. Ма Сань вчера сам ходил к ним.

Он искренне хочет жениться — как можно относиться к этому легкомысленно?

Ма Сань даже свадебные подарки уже приготовил.

Стоит только Вэнь Жуню кивнуть — и можно звать официального сваху, чтобы та пришла свататься.

— Но даже если я соглашусь, это ничего не решит! — Вэнь Жунь развёл руками. — Почему семья Ян так говорит? Потому что все мы прекрасно знаем: даже если мы все одобрим, но сама госпожа Лю не захочет — ничего не выйдет.

Ма Сань с надеждой посмотрел на него:

— Она ведь согласится? Я весь дом вычистил до блеска, дом новый, мебель уже завтра

привезут. Как только женимся — никто больше не посмеет за ней гоняться и сплетничать. И у меня, наконец, будет свой дом.

— Это решение должна принять сама госпожа Лю, — твёрдо сказал Вэнь Жунь. — Если она не захочет — я её не заставлю. И запомни это: люди из рода Ван, даже нанятые работники, не для того, чтобы их обижали. Взгляни на семью Линь!

— Ма Сань совсем не такой человек! — староста вытер пот. — Он гораздо лучше Линь Сань-эра...

— Не факт, — возразил Вэнь Жунь. Не то чтобы он верил в «третьих сыновей» как таковых, но репутация Ма Саня в прошлом была не лучше, чем у Линь Сань-эра.

— Господин Вэнь! — Ма Сань вдруг заговорил искренне и прямо. — Позвольте сказать правду. Ещё с юности я был влюблён в Лю Цуйхуа. Только вот как раз построил дом, собирался накопить денег и свататься — как вдруг Линь Саньэр тоже на неё положил глаз. Отдал два ляна серебром, одного поросёнка и двух поросят — и увёл её в жёны. А у меня тогда ни денег, ни влияния не было — даже одного поросёнка купить не мог. Пришлось утешать себя: мол, Цуйхуа ушла в достаток, с Линем хоть сытой будет, а со мной, глядишь, и голодать придётся. Но потом она вернулась... Жила у них ужасно. Этот бесстыжий подонок Линь Саньэр... — голос его дрогнул от гнева. — Теперь вся семья Линь изгнана — я, конечно, рад. Но ещё больше хочу, чтобы теперь никто не смел обижать Цуйхуа!

Он говорил с несвойственной ему серьёзностью:

— Все эти годы я думал только о ней. Да, свахи сватали мне и девиц-невест, даже чистых, незамужних красавиц — но ни одна не сравнится с госпожой Лю в моём сердце. Прошу вас, господин Вэнь, благословите наш союз!

Вэнь Жунь всё понял. Выходит, госпожа Лю — это для Ма Саня и «алая родинка на сердце», и «белая луна в прошлом»!

— Раз твои намерения искренни, я не стану навязывать госпоже Лю своё решение, — сказал он. — Вот что сделаем: сегодня вы здесь и ужинаете. А я сейчас поговорю с госпожой Лю, пусть сама всё обдумает и решит. Если не выйдет — ну что ж, пришли ко мне просто поесть и выпить. А если получится — будет прекрасно!

Он не давал окончательного ответа. Вэнь Жунь помнил: когда госпожа Лю только приехала в Ляньхуаао, он сам слышал, как Ма Сань шептался с кем-то, сетуя: «Если бы Цуйхуа вышла за меня, никогда бы не оказалась в таком позоре».

К тому же Ма Сань действительно пошёл в гору. Теперь за него сватались не только извне — даже в самой деревне Ляньхуаао несколько семей мечтали выдать за него дочерей.

А ведь деревня эта много лет жила в стороне от всего мира — даже с уездным центром почти не общалась и ни одного уважаемого старейшины за всё время так и не вырастила.

Уж тем более они не знали никого из уездной администрации — в уездном яме у них почти не было знакомых.

Поэтому деревня всегда жила в информационной изоляции, без каких-либо каналов связи с внешним миром.

А теперь появился Ма Сань. Каким бы он ни был раньше, сейчас он всё же «получил рис от казны» — стал государственным служащим.

Выйти за него — значит обеспечить себе спокойную жизнь без нужды в еде и одежде.

Когда он вернулся и начал строить дом, все уже шептались: мол, наверняка жениться собрался.

Но дом достроили — а никаких свадебных хлопот не последовало!

Теперь всё стало ясно: этот парень давно всё спланировал. Стоило ему стать уездным стражником — и он сразу начал усердно служить, чтобы заслужить поощрения, заработать денег, построить дом, купить мебель и собрать приданое для невесты.

— Хорошо, — сказал Ма Сань, — прошу вас, господин Вэнь, передайте ей мою просьбу. Клянусь: всю жизнь буду жить только с ней, других женщин не возьму!

Он говорил искренне:

— Если ей не нравится шум уездного городка, пусть остаётся в Ляньхуаао. Я буду приезжать каждые два-три дня. В уезде дел немного: за патрулирование отвечают временные стражники, а меня вызовут только по важным делам. В общем, я смогу часто бывать дома.

Став официальным уездным стражником, он получил немало привилегий: не нужно постоянно находиться на посту, патрулирование поручают «белым стражникам» (непостоянным помощникам), а на службу вызывают лишь по необходимости.

В общем, должность выгодная. Правда, потомкам придётся ждать три поколения, прежде чем можно будет сдавать экзамены на чиновника, но зато теперь у него «железная рисовая миска» — официальная должность, записанная в уездные реестры.

— Но есть ещё один момент, который я обязан тебе чётко объяснить, — Вэнь Жунь прочистил горло. — госпожа Лю трижды беременела в доме Линей, но каждый раз теряла ребёнка.

Теперь никто не может сказать наверняка, сможет ли она вообще иметь детей. Мы водили её к лекарю — тот сказал лишь, что организм ослаблен и требует бережного ухода. У нас в доме еды и питья хватает, она хорошо восстанавливается, но... что будет дальше — неизвестно. А у тебя в роду, как я понимаю, остался только ты. Пример Линь Сань-эра ещё свеж: ведь именно из-за отсутствия детей он и развелся с ней!

— Если детей не будет — пойду в приют и возьму несколько малышей! — легко отмахнулся Ма Сань. — Малыши ведь ничего не помнят. Приведу домой — скажу, что родные, и никто не узнает. Да и мать моя сама была приёмной дочерью, но разве она хуже заботилась о своих приёмных родителях? Так что это не проблема!

От его наглой уверенности Вэнь Жуню стало досадно, и он, нахмурившись, направился в задние покои.

Чэнь Сюй, мальчик с глазами на макушке, тут же подал гостям прохладный мунг-чжоу (отвар из зелёного горошка) и сладости из того же горошка.

Вэнь Жунь вошёл на кухню и увидел, как Лю Цуйхуа, переодетая в повседневную одежду, чистит водяной сельдерей — дикий, такой, что растёт повсюду в этих местах с обилием рек и озёр. Студенты недавно принесли целый охапку.

Чтобы приготовить его, достаточно было ошпарить сельдерей кипятком и заправить чесноком, зелёным луком, имбирём, солью, уксусом — и готово! Особенно в душное лето это блюдо отлично освежает и улучшает пищеварение.

Простое в приготовлении, полезное и вкусное.

И главное — дикорастущее, а в этих краях с их сетью рек и каналов ему всегда хватало места для роста.

Вэнь Жунь редко заходил на кухню — особенно летом: слишком жарко!

Лучше уж сидеть с чайником и пить прохладный мунг-чжоу, чем мучиться от жара у плиты.

Но сейчас он пришёл. Подошёл прямо к ней. Цуйхуа-тётя удивилась:

— Хозяин, что-то случилось? Хотите что-то съесть? Или проголодались?

— Нет, сядь, пожалуйста, послушай меня, — Вэнь Жунь вытер лицо. — Впервые в жизни выступаю свахой — даже немного волнуюсь.

— Свахой? — Цуйхуа наклонила голову.

Вэнь Жунь рассказал ей всё, что сказал Ма Сань, и в заключение спросил:

— Как ты сама к этому относишься? Если не можешь решиться сразу — подумай несколько дней. Стоит тебе кивнуть — он тут же пойдёт к семье Ян свататься. Не кивнёшь — он будет ждать. Только у нашего дома дежурить не посмеет!

Лю Цуйхуа улыбнулась:

— Конечно, не посмеет! Хозяин, я подумаю.

— Отлично! — Вэнь Жунь развернулся и ушёл.

Ужин в тот вечер готовила жена Чэнь Цяна. За всё это время она уже научилась готовить несколько блюд.

За столом Вэнь Жунь сообщил гостям:

— Я передал ей всё. Она хочет подумать. Сколько — не знаю.

— Главное, что не отказалась сразу — это уже хорошо! — обрадовался Ма Сань. Он оказался человеком неприхотливым: за ужином то и дело пытался налить Вэнь Жуню вина и поднять тост, но тот отказался:

— В такую жару пить вино? Тебе не жарко разве?

Видя недовольное лицо хозяина, Ма Сань больше не осмеливался настаивать.

Дедушка Чжан молча ел — ему было не до чужих дел.

На следующий день Ма Сань отправился в дом семьи Ян. А на третий день тётя Цуйхуа попросила Чэнь Сюя помочь договориться о встрече: Ма Сань и староста Ма должны были прийти в дом Янов.

Что именно там происходило — никто не знал. Но Ян Му позже рассказал Вэнь Жуню, что его мать последние дни ходила как во сне — так боялась, что Цуйхуа-тётя откажет.

— Мама говорит, что женщине обязательно нужен свой дом, — объяснил Ян Му. — Ма Сань выглядит вполне прилично, да и всё это время он явно не мог забыть нашу тётю Цуйхуа. Отец тоже считает, что он неплохой человек.

— Решать всё равно ей самой, — сказал Вэнь Жунь и не стал вмешиваться, чтобы не влиять на

её выбор.

И вот на следующий день Лю Цуйхуа сама пришла к Вэнь Жуню:

— Я согласна выйти за него замуж.

— Ты не обязана себя заставлять, — мягко возразил Вэнь Жунь. Она выглядела вовсе не радостной — скорее так, будто выполняет обычное поручение, а не решает судьбу своей жизни.

— Я не заставляю себя, — спокойно ответила она. — Работать в доме — это хорошо, но некоторые люди всё равно будут шипеть за спиной. В нашей деревне такого нет, но за её пределами — кто знает? Я — одна женщина, вдова, это неприлично. Лучше уж выйти замуж. Если Ма Сань будет плохо ко мне относиться — разведусь!

Её лицо оставалось совершенно спокойным:

— Я — разведённая женщина, мне всё равно, будут ли меня считать позором или нет. Но... если я выйду замуж, смогу ли я продолжать работать у вас? Когда его не будет дома, мне одной будет очень скучно.

Вэнь Жунь чуть не остолбенел. Выходит, она хочет и семью, и работу — всё сразу?

— Можно так? — нервно спросила Лю Цуйхуа, глядя на него. — Я не хочу зависеть от него в еде.

— Конечно, можно! — Вэнь Жунь вытер лицо. — Если хочешь — живи и работай здесь, как раньше. Только... согласится ли на это Ма Сань?

<http://bllate.org/book/15642/1398128>